

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
santrar@krc.karelia.ru

ЛЮДИКОВСКИЙ ГЛАГОЛ И ЕГО ДИАЛЕКТНЫЕ ИСТОЧНИКИ*

Рассмотрены диалектные источники для исследования людиковского глагола: архивные и полевые материалы, образцы речи. В ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН имеется накопленный аудио- и видеоматериал, собранный начиная с конца 1940-х годов. Значимое место занимают зафиксированные А. П. Баранцевым в период с 1963 по 1973 год образцы речи. Важным диалектным ресурсом может служить также и полевой материал, собранный исследователем лично. Как правило, диалог с информантом предполагает выявить грамматические формы и категории в речи носителя языка. Достигается это при помощи задаваемых информанту вопросов, связанных с его бытовой жизнью. Исследование категории глагола в людиковском наречии доставляет исследователю много трудностей. Сбор языкового материала из года в год затрудняется, поскольку количество носителей, свободно владеющих родным языком, стремительно сокращается. Людиковское наречие находится на грани полного исчезновения. В 2016 году на базе вепсского корпуса был создан карельский корпус, включающий в себя деление на три подкорпуса в соответствии с тремя основными наречиями. Новый объединенный корпус получил название «Открытый корпус вепсского и карельского языков» (ВепКар). В будущем данный корпус может также служить надежным источником диалектного и младописьменного материала на карельском и вепсском языках.

Ключевые слова: людиковское наречие, архивные источники, полевые материалы, Открытый корпус вепсского и карельского языков (ВепКар)

Наряду с другими наречиями карельского языка (собственно карельским и ливвиковским) людиковское исследовано менее подробно. И если науке известны исследования в области исторической и синхронной фонетики [1], [6], [7], а также имеются источники словарного состава [4], образцов речи [2], [5], [8], то людиковская грамматика изучена значительно слабее. В последнее время в ИЯЛИ КарНЦ РАН ведется планомерная работа именно в области морфологии: исследуется как именное, так и глагольное словоизменение. Глагол является наиболее сложным разделом людиковской грамматики. Диалектные материалы для изучения названного раздела грамматики мы берем, в первую очередь, из архивных источников, образцов, полевых материалов.

В Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН имеется богатый аудио- и видеоматериал, собранный начиная с конца 1940-х годов: записи, сделанные В. Я. Евсеевым у северных людиков в Спасской Губе Кондопожского района (1948–1960), фольклорные материалы, зафиксированные в 1960-е годы М. Ф. Пахомовой, У. С. Конкка, А. С. Степановой в селах Тивдия и Михайловское. Значимое место занимают записанные А. П. Баранцевым в период с 1963 по 1973 год образцы речи от информанта А. И. Баранцевой – уроженки д. Пелдожа Святозерско-

го сельсовета Пряжинского района Карельской АССР. Именно А. П. Баранцев стал первым из отечественных лингвистов, опубликовавших образцы людиковской речи (святозерский говор), где собраны воспоминания информанта о годах Гражданской и Великой Отечественной войн, о «деревенском периоде» жизни информантки, о крестьянских занятиях, промыслах и др. Данные образцы исключительно ценны при исследовании людиковской грамматики.

Важным и даже самым главным диалектным источником служит полевой материал, собираемый исследователем лично. Как правило, диалог с информантом позволяет более целенаправленно выявить грамматические формы и категории в речи носителя языка. Это достигается при помощи вопросов, задаваемых информанту и связанных с его бытовой жизнью: о событиях, происходивших ранее, о прежней жизни, об одежде, которую носили ранее, и т. д.

После дальнейшей расшифровки и анализа собранных образцов речи можно почерпнуть главные сведения о глаголе. В качестве примера приведем небольшой отрывок текста, который демонстрирует то, как протекает беседа, какого типа вопросы интересуют исследователя, как он стремится направить беседу в определенное русло и т. п.

— *Elin minä Vašakas, pienenny neičykänny sigä suadih, sigägi elin, tuatto minul oli, muamo, deduška oli. Nu vot v sorokovom, tritsat' dev'atom godu tuatto minun otettih armejah, okopoil' i enämbi ei tulnud kodih. Edele rodih otečestvennoi voinu tänne. Sinnegi häi i kuoli, minä d'äin maman ker. Deduška evakuatsijah en tiije, deduška d'äi täh, kyläh sie meile, Vašakkah. Me maman ker Petrovskoil työttih baržal, i baržal olimme kaks ned'alid, kačajimmos, bombittih nemcat. Sit tulimme... i minä en tiijännyh ni yhty sanua, en voi ven'akse..*

— Karjalakse pagižit?

— Да, *en tiijännyh* nimidä, да же *en voinnuh* pakita ičele ni vetty juoda ni leibyä palaste, ni luzikkaa kähiz ottaa. No sid työtin ker puuttuimme kvartirah, tytär oli russoi neičykkäine, rovestnicat minul ei oli, postarše, häi ozuttau i sanou ven'akse, i minä vähäzel opastuin. Sid työttih meid edele, sid kaiken talven ajoimme mašinai i do Jaroslavlepäi työttih, sinne, sid Jaroslavlepäi kyläh, sinne, sovhozoih. Sid siegi maman ker elimme. Häi kävyi pakiččemah, štob elädä, a minä en voinnuh, parembi nälghä kuolen, no en lähte. Minä hoz'aikan ker elin, hoz'aika minut školah gotovii, i sigä uvvessah, minä četire klassa lopin i sid udessah lopin, kolmandeh kluaassah učimmos. Voinu lopei, kačo, i myö tulimme Belomorskah, a Belomorskas, zeml'anko is elin. A voi sid zeml'anko ispiäi, vot kui osvobodittih Petrozavodsk, tulimme kodih järilleh maman ker. I vot zavodimme ruata, Vašakas. Kai voimme, muadu labd'uol, štobi obrabotat' muad, heboloil, astuvoičin... piilimme mečät, a kevädel — splaval, splavl'aičimme... A sit f p'atides'atom godu menin miehel. Järilleh lähtin kyläspiäi Petrovskoile...

Olin n'an'kannu, vuoden, sid n'an'kannu olin vuoden... sid poznakomin yhtes sijahizes, häi ruadoi voinus, gospital'is, a sid minuu gospitalih perevedii. Olin oficantkannu. Mužikke minut, kui sanotah... kaks ned'alii elimme, da sid i järilleh lähti i sid minä elin vдовуškannu lidnas. Gospitalis ruadoin, sid po komsomolskim put'ovkam työttih mied' ruadoh op'at'. Sid minä v sovhoze Zaitseva sigägi ruadoin. Sid löydin toižen saldatan op'at'... kolhozas jo nadoeiči ved' — a ved' silloi minul oli vaigu vosemnadcat' let, konzu miehele menin enzi kerran, dumaijin, hospodi, op'at' kolhozas, op'at' ruata pidäy. No sid häi minuu vjiruichi, direktoru, konešno, ei pie sanoa, a zamestitel'u direktora sanou, konečno, vjiruicin neičykkäny... a soldattu Mokovah ajoi... a minä sid gospitalis ruadoin da miehele udessah menin. A sid Br'anskah menin, Br'anskas elin, derevn'a Savic. A sigä rodih pogaine, Br'anskas... Kuus kuudu kačoin dai kuoli... Ajoin op'at' kodih järilleh, Vašakkah, op'at' sovhozah. A sid sie suain viiž lastu, tyttären ezmäi suain, sid poigan, sid tytär, sid poige, sid tytär, nu vobšem — viiž, kaks poigad da kolme tyttärd...

— Жила я в Вашаково, маленькой девочкой, там родили, там жила, папа у меня был, мама, дедушка [был]. Ну, вот, в сороковом, тридцать девятом году папу забрали в армию, в окопы, и он домой не вернулся. А потом здесь была (досл. случилась) Отечественная война. На ней он и погиб, я осталась с мамой. Дедушка в эвакуацию (попал) — не знаю, дедушка здесь остался, у нас в деревне, в Вашаково. Нас с мамой в Петрозаводск отправили на барже, две недели на барже были, смотрим — немцы разбомбили. Потом вернулись. Я ни слова по-русски не знала...

— По-карельски говорила?

— Да, ничего не знала, даже не могла для себя ни воды попросить, ни кусочка хлеба, ни ложку в руку взять. Но потом мы с девочкой попали в квартиру (жить), девочка эта была русской, ровесниц у меня не было, (все) постарше. Она показывает и говорит по-русски, и я потихоньку научилась. Потом нас дальше отправили, потом всю зиму на машине ехали, до Ярославля привезли, туда до Ярославля, в деревню, в совхозы. Там мы с мамой и жили. Она ходила просить милостыню, чтобы выжить, а я не могла, лучше я от голода умру, но не пойду (просить милостыню). Я с хозяйкой жила, хозяйка меня к школе готовила, и там снова, я четыре класса закончила, и потом снова закончила, до третьего класса училась. Война закончилась [посмотри, прим. вводное слово] и мы приехали в Беломорск, а в Беломорске в землянках жила. А потом из землянок, когда Петрозаводск освободили, вернулись назад домой с мамой. И начали работать в Вашаково. Как могли, лопатой землю (копали), чтобы обработать землю, лошадьми, боронили... лес пилили, а весной — на сплаве, сплавляли... А потом в пятидесятом году я вышла замуж. Назад из деревни в Петрозаводск вернулась...

Год нянкой была, потом нянкой год была... потом познакомилась с одним заместителем, он на войне в госпитале работал, и меня в госпитале перевели (работал). Была официанткой. Муж меня, как говорит, две недели жили, а потом обратно уехал, и потом я «вдовушкой» жила в городе. В госпитале работала, потом по комсомольским путевкам отправили нас на работу опять. Потом я в совхозе им. Зайцева работала. Затем другого солдата нашла... В колхозе уже надоело ведь — мне ведь тогда было всего восемнадцать лет, когда я в первый раз вышла замуж, думаю, господи, опять в колхозе, опять работать надо. Но потом он меня выручил, директор, конечно, нельзя говорить, а заместитель директора говорит, конечно, выручу девушку... солдат в Москву уехал... а я потом в госпитале работала и замуж снова вышла. А потом в Брянск уехала, в Брянске жила, деревня Савиц. В Брянске сын родился... Шесть месяцев, смотрела (= растила), и умер. Я снова домой вернулась, в Вашаково, в совхоз. А потом там пятерых детей родила, вначале дочь родила, потом сына, потом дочь, потом сына, потом дочь, ну, в общем, пятерых, два сына и три дочери...

При анализе этого небольшого отрывка записи [3: 110–117], расшифрованного на странице стандартного объема (2500 знаков), можно проследить в качестве примера частоту употребления некоторых глагольных форм. Как показывает анализ конкретного текста, информант в речи чаще всего использует формы 1 л. ед. ч., когда говорит о себе, реже 1 л. мн. ч. Так, например, 1 л. ед. ч. употребляется информантом 19 раз (minä elin 'я жила', minä en tiijännyh 'я не знала', minä en

voinnuh 'я не могла', minä d'äin 'я осталась'; в настоящем времени en tiije 'я не знаю', en lähte 'не пойду' и др.); 1 л. мн. ч. — 9 (olimme 'мы были'; tulimme 'мы пришли' и др.); 3 л. ед. ч. — 15 (ei tulnud '(он) не пришёл', kuoli 'умер', наст. время ozuttau 'показывает', sanou 'говорит' и др.); 3 л. мн. ч. — 6 (suadih '(они) родили', otettih 'взяли', osvobodittih 'освободили' и др.). Наиболее употребительными информантом оказались формы имперфекта, реже презенса.

Частота употребления глагольных форм информантом

Форма глагола (частота употребления)	1 л. ед. ч. (19)	1 л. мн. ч. (9)	3 л. ед. ч. (15)	3 л. мн. ч. (6)
	elin 'жила'; en tiijännyh 'не знала'; en voinnuh 'не могла'; d'ain 'осталась'; en tiije 'не знаю'; opastuin 'училась'; kuolen 'умру'; en lähte 'не пойду'; lopin 'окончила'; učiimmos 'училась'; astuvoičin 'боронила'; ruadoin 'работала'; löydin 'нашла'; poznakomin 'познакомилась'; menin 'пошла' (досл. вышла [замуж]); dumaijin 'думала'; viijuičän 'выручу'; kačoin 'смотрела'; ajoin 'поехала'; suain 'получила' (в тексте: родила)	puuttuimme 'попали'; olimme 'жили'; tulimme 'приехали'; ajoimme 'отправились'; zavodimme [ruata] 'начали [работать]'; voimme 'могли'; piilimme 'пилили'; splavl'aičimme 'сплавляли'; elimme 'жили'	oli 'был'; ei tulnud 'не приехал'; kuoli 'умер'; d'ai 'остался'; ozuttau 'показывает'; sanou 'говорит'; kävyi [pakiččemah] 'ходила [просить, попрошайничать]'; gotovii 'готовил'; lopei 'закончилась'; ruadoi 'работал'; perevedii 'перевел'; lähti 'отправилась'; nadoeiči 'надоело'; viijuiči 'выручил'; rodih 'случилось' [в тексте: родился]	suadih 'родили'; otettih 'взяли'; työttih 'отправили'; bombittih 'бомбили'; osvoboditti 'освободили'; sanotah 'говорят'

Еще реже в речи информанта можно услышать другие формы: 3. инф. илл.: kävyi *pakiččemah* 'ходила просить'; императив 2 л. ед. ч.: kačo 'смотри'; 1. инф. *zavodimme ruata* 'стали работать', *obratotat* 'обработать', *ruata pidäy* 'нужно работать'.

Из архивных источников, расшифровок, а также на основании данного конкретного текста очень сложно выявить в речи формы, например, плюсквамперфекта или потенциала, которые оказались малоупотребительными. И если в научной литературе данные формы выделяются исследователями, то в речи информанты сейчас их практически не используют. Единственная форма потенциала *liennou* (в 3. л. ед. ч.) встречается в образцах, например, святозерского говора: *kouz liennou oldu meiden rahvas poikki d'ärves* 'как-то были наши люди [пелдожане] за озером' [2: 39–40], *i vie mīdne liennou d'ogi olnu se onnako oli* 'и еще какая-то река была, по-моему' [2: 48, 64]. Но сейчас данная форма обладает значением будущего времени: *Nuomen liinob raha siä* 'Завтра будет плохая погода'.

Качество собранного лингвистического материала определяется степенью владения информантами карельским языком. Собирая языковой материал из года в год становится все труднее: количество носителей, свободно владеющих людиковским наречием, стремительно сокращается.

В современной ситуации в научный оборот стали вводить материал на электронных носителях, где система поиска облегчает работу исследователям.

В последние годы в Институт языка, литературы и истории поступало много запросов от карельской общественности и СМИ о создании «Корпуса карельского языка», который бы стал надежным источником различного материала по языку, фольклору, этнографии, истории края и т. д.

С 2009 года ведется работа по созданию «Вепсского корпуса», цель которого заключается в создании корпуса оригинальных вепсских устных и письменных текстов и размещении его в открытом доступе в сети Интернет. В 2016 году корпус стал многоязычным: на базе вепсского был создан карельский корпус, включающий в себя деление на три подкорпуса в соответствии с тремя основными наречиями (собственно карельским, ливвиковским и людиковским). Этот объединенный корпус, включающий в себя два родственных языка, получил название «Открытый корпус вепсского и карельского языков».

Известно также, что в настоящее время карельская общественность стремится получить для карельского языка, как языка титульного этноса республики, статус государственного языка Республики Карелия. Это требует значительных языковых ресурсов, которые позволяют более надежно создавать и развивать правила карельской орфографии, вводить в научный и общественный оборот значительное количество материалов, которые востребованы авторами учебников по языку и истории родного края, СМИ, литераторами и т. д.

Карельская часть «Открытого корпуса вепсского и карельского языков» создается с использованием опыта и результатов составления «Корпуса вепсского языка». Открытый корпус будет включать в себя две части: тексты и электронный словарь. При составлении словаря встает вопрос: что использовать в людиковском подкорпусе в качестве леммы, или исходной формы (номинатива) у именных категорий, или 1. инфинитива у глаголов? И если другие наречия карельского языка (собственно карельское и ливвиковское) пошли по пути вепсского языка и в качестве леммы используют литературную, письменную норму, к которой привязываются все диалекты,

то для людиковского наречия этот вопрос оказался труднорешаемым. В людиковском наречии говоры также отличаются друг от друга. Произведения, справочные материалы, созданные на основе михайловского говора, не всегда принимаются носителями, например, севернолюдиковских говоров, и наоборот. После анализа языковых особенностей людиковских диалектов мы были бы склонны взять за основу говор с. Святозеро, который, на наш взгляд, является наиболее своеобразным, хотя, с другой стороны, наиболее активной является общественность с. Михайловское: на михайловском диалекте

подготовлен русско-карельский разговорник. Но отметим, что михайловский диалект из-за значительного вепсского субстрата наиболее специфичен, отличается от остальных говоров и часто не воспринимается другими носителями. Поэтому, отталкиваясь именно от характерных языковых особенностей, обладающий наибольшей, если так можно выразиться, *людиковскостью*, за основу был выбран святозерский диалект. Варианты лемм будут привязаны к святозерской лемме, таким образом, будет показано все многообразие людиковского наречия карельского языка.

Леммы

Список длинных лемм | Создать новую

ID лемма а словоформа а значение а людиковское наречие (41)

Выберите часть речи показать по 10 записей

Найдено 41 записей.

No	Лемма	Язык	Часть речи	Толкование	Примеры *
1	aige	людиковское наречие	существительное	время	1 / 0 / 1
2	ammuine	людиковское наречие	прилагательное	старый, старинный	2 / 0 / 2
3	astuda	людиковское наречие	глагол	идти	0
4	da	людиковское наречие	союз	и, да	5 / 16 / 21
5	dorog	людиковское наречие	существительное	дорога	4 / 0 / 4
6	d'oga	людиковское наречие	местоимение	каждый	1 / 0 / 1
7	edelleh	людиковское наречие	наречие	далее	1 / 0 / 1
8	elädä	людиковское наречие	глагол	жить	1 / 0 / 1
9	enzimäine	людиковское наречие	числительное	первый	2 / 0 / 2
10	hüö	людиковское наречие	местоимение	они	2 / 0 / 2

Открытый корпус вепсского и карельского языков VerKar / Леммы

Людиковские тексты в корпусе содержатся в параллельных подкорпусах с переводом на русский язык, что облегчит использование материалов теми, кто не владеет людиковским наречием. Диалектные тексты сопровождаются подробной паспортизацией, что важно, например, для диалектологов:

Pelduoinen on ammuine külä
Корпус: диалектные тексты

Святозерский диалект
Информант(ы): Баранцева Анна Игнатьевна, 1895, Пелдожа (Pelduoizen külä), Пряжинский район, Республика Карелия
место записи: Петрозаводск, Республика Карелия, г. записи: 1969
записали: Баранцев Александр Павлович
Источник: А. П. Баранцев, Образцы людиковской речи. Образцы корпуса людиковского идиолекта, (1978), с. 23–24
ф/архив ИЯЛИ КарНЦ РАН: № 1382

Pelduoinen on ammuine külä
(людиковское наречие)

– Nu a ongo ammuine külä tämä?

– Mi vuotte on küläl Pelduoizil?

– Ka en tiä.

– Kui muštelttih?

– Kui muštel't't'ih kah ammuine vid' on, vit', kačo d'o mille on mi seiččeikūmen nel'l' vuotte, ka vid' d'o ende sigä ol'd'ih da kai ka kui miidumat, kui miittumat tul'd'ih da kai, ei olnu, küläd meiden täs.

Biegluoid azuttih se külä meiden, vot mušteltah kui.

Miittumad enziäläjäd rodittiheze da kai em minä mušta sidä, em voi sanoda.

Пелдожа – старинная деревня
(русский)

– Ну, а как стара была деревня Пелдожа?

– Сколько ей лет?

– Не знаю.

– Как вспоминали?

– Вспоминали, что деревня старинная была, мне вот уже семьдесят четыре года, так ведь еще раньше там жили, откуда пришли, а [раньше] здесь не было нашей деревни.

Беглые основали нашу деревню, как вспоминают.

А кто были первые жители, я этого не помню, не могу сказать, как было.

Корпус постоянно пополняется новыми текстами и леммами и в будущем станет надежным диалектным источником. Со временем корпус будет соответствовать мировому уровню: подобных электронных лингвистических ресурсов по карельскому и вепсскому языкам в мире на данный момент нет. Наличие подобного ресурса

внесет существенный вклад в решение ключевых проблем, связанных с сохранением и популяризацией вепсского и карельского языков, находящихся под угрозой исчезновения, а также изучением взаимодействия русского языка и его диалектов с прибалтийско-финскими языками Северо-Запада России.

* Статья подготовлена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» / Раздел: Разработка, создание и развитие электронных лингвистических корпусов русского языка, языков народов РФ и других языков мира «Открытый корпус вепсского и карельского языков»; в рамках госзадания (бюджетная тема АААА-А18-118012490344-5 «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ФА [Фонограммархив] = ФА ИЯЛИ 4/7, 5/1–17; 386/4–7, 428/1–8, 429/1–9; 585/1–13, 586/1–7, 587/1–11, 588/1–3, 589/1–5.
- ² Разговорник = Русско-карельский разговорник (на людиковском наречии карельского языка). Ven'alais-kard'alaine paginsanakniig (lyydikš) / Сост. Н. И. Ковальчук. Petroskoi, 2017. 108 с.
- ³ VepKar = <http://dictorpus.krc.karelia.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранцев А. П. Фонологические средства людиковской речи (дескриптивное описание). Л.: Наука, 1975. 280 с.
2. Баранцев А. П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск: Карелия, 1978. 287 с.
3. Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2011. 137 с.
4. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.
5. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki: SUST 263, 2011. 233 s.
6. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1946. № 89. 338 s.
7. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Vokaalit // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1950. № 99. 266 s.
8. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 s.; Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: SUS 130, 1963. 419 s.; Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.

Rodionova A. P., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

LUDIC VERB AND ITS DIALECTAL SOURCES*

The article deals with some dialect sources for the study of Ludian (Ludic) verbs: archival and field materials, as well as the samples of native speech. The Audio Archive of the Institute of Linguistics, Literature and History of the RAS Karelian Research Centre has been collecting audio and video materials since the late 1940s. Speech samples recorded by A. Barantsev between 1963 and 1973 form a significant part of this audio archive. Field materials collected by the researcher can also serve as important dialectal sources. As a rule, a dialogue with native speakers is the main source for identifying grammatical forms and categories of speech. This is achieved through questions related to the informant's everyday life. The study of the verb category in the Ludian dialect presents severe difficulties to the researchers. Collecting language material is becoming increasingly difficult year after year: the number of fluent speakers of their native language is rapidly declining. The Ludian dialect is on the verge of total extinction. Open Corpus of the Veps and Karelian Languages (VepKar) contains dictionaries and corpora of the Finnic languages of Karelian peoples. VepKar project is a continuation of work performed for creating the Veps language corpus. The corpus is a search information system, which includes a set of digitalized texts written in corresponding languages. In the future, this corpus can also be a reliable dialect source.

Key words: Ludian dialect, archival and field materials, samples of native speech, Open Corpus of the Veps and Karelian Languages (VepKar)

* The article was written as part of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences "Monuments of material and spiritual culture in the modern information environment". Section: Design, creation and development of electronic linguistic corpora of the Russian language, languages of the peoples of the Russian Federation and other world languages. Creation of Open Corpus of the Veps and Karelian Languages as part of the state assignment АААА-А18-118012490344-5 "The Baltic-Finnish languages in the north-west of the Russian Federation: linguistic research in the socio-cultural context").

REFERENCES

1. Barantsev A. P. Phonological means of Ludian speech. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)
2. Barantsev A. P. Samples of Ludian speech. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1978. 287 p. (In Russ.)
3. Kovaleva S. V., Rodionova A. P. Traditional and new in the vocabulary and grammar of the Karelian language (according to a sociolinguistic study). Petrozavodsk, RAS KarRC Institute of Language, Literature and History Publ., 2011. 137 p. (In Russ.)
4. Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki, SUS, 1944. 543 p.
5. Pahomov M. Kuujärven lyydiläistekstejä. Helsinki, SUST 263, 2011. 233 p.
6. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. I. Konsonantit. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1946. № 89. 338 p.
7. Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. II. Vokaalit. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia*. Helsinki, 1950. № 99. 266 p.
8. Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki, SUS 129, 1963. 453 p.; Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki, SUS 130, 1963. 419 p.; Lyydiläisiä tekstejä, III = LT III. Helsinki, SUS 131, 1964. 402 p.

Поступила в редакцию 22.05.2018